

“ТАЙНА СИЯ ВЕЛИКА ЕСТЬ”

(Из дневника участника круглого стола "Психотерапия и духовная жизнь")

О.В.ФИЛИППОВСКАЯ

"Царю небесный, Утешителю, Душе истины..." Этой молитвой Духу Святому по древней православной традиции, предваряющей всякое доброе дело, каждый раз начинаются встречи участников секции Христианской антропологии Ассоциации гуманистической психологии. И каждый раз возникают чувства восторга и удивления, когда я слышу слова этой молитвы в аудитории факультета психологии МГУ, в которой во время оно звучали лекции по научному атеизму, научному коммунизму и пр. и пр. А ныне, 20 февраля 1992 года, в той же самой аудитории встретились люди, чтобы за "круглым столом" побеседовать о проблеме взаимоотношения психотерапии и духовной жизни.

Однако пришлось обойтись не только без торжественного круглого стола, но и без обычных, совершенно прямоугольных парт, которые на время были вынесены в коридор самими же студентами, чтобы в аудиторию смогли проникнуть все желающие.

Несмотря на физические неудобства, которые неизбежно возникают в переполненном помещении, душевно было очень радостно, ибо я чувствовала себя среди единомышленников, готовых слушать, слышать и делиться своими размышлениями.

Надо сказать, что за отсутствующим круглым столом находились интереснейшие собеседники. Среди них те, кого в недалеком прошлом мы, выпускники факультета, называли коллегами, однокурсниками и соседями по студенческому общежитию, а теперь обращаемся к ним "Батюшка" и подходим за благословением. Я имею в виду о.Бориса (Ничипорова) и о.Иоанна (Вавилова), постоянных организаторов и ведущих семинаров по христианской антропологии, а также о.Валерия (Ларичева), известного психиатра и психотерапевта, в последнее время совмещающего служение в храме и работу в одном из московских ПНД. Кстати, он сообщил, что сегодняшней день является для него вдвойне

знаменательной датой - тридцатилетним юбилеем его психотерапевтической деятельности и днем ее окончательного завершения, посвящения себя сугубо пастырскому служению. На встрече присутствовал также неизменный участник семинаров А.Б.Зубов, преподаватель Духовной Академии, человек необычайной эрудиции и замечательно владеющий словом. Остальные участники встречи - философы, психологи, психотерапевты, преподаватели факультета психологии, давно и хорошо известные не только в своем профессиональном кругу. Это Б.С.Братусь, Ф.Е.Василюк, Т.П.Гаврилова, О.И.Генисаретский, А.Ф.Копьев, Ю.А.Миславский, Е.В.Орестова, Н.Н.Петров, А.С.Спиваковская.

Забегая вперед, хочу сказать, что все выступления, несмотря на большое разнообразие в жанрах, были необыкновенно искренними и являли собой плод переживаний, раздумий, индивидуального жизненного и профессионального опыта.

Пожалуй, одним из самых эмоциональных и в то же время затрагивающих важнейший нерв в работе психотерапевта оказалось выступление А.С.Спиваковской, после которого почти каждый из выступавших так или иначе упоминал его. Алла Семеновна поделилась своим переживанием греховности, связанным с самой профессиональной психотерапевтической деятельностью. Психотерапевт сталкивается с различными, подчас трудно преодолемыми соблазнами. Например, его знания, опыт и владение разнообразными психотерапевтическими техниками могут создавать впечатление собственного превосходства над другими, разжигающего гордыню, искушать властью. Единственный выход, который нашла для себя Алла Семеновна, - так построить работу с клиентом, чтобы, как можно бережнее относясь к естественному течению его жизни, создать условия для его самопознания в той мере, в какой он на данный момент готов и нуждается.

Однако в любом случае, было подчеркнуто в выступлении, психотерапия по своей сути является вторичной по отношению к духовной работе, которую проделывает верующий вместе со своим духовником.

Эта последняя мысль в более острой форме была высказана Н.Н.Петровым. Для человека верующего, по его словам, работа психотерапевта представляется чем-то вроде пародии на работу священника или старца.

Николай Николаевич предложил рассмотреть различные типы людей в зависимости от сочетания их духовной, душевной и телесной сфер и виды помощи им.

Наиболее распространенным является тип человека, в котором все три сферы существуют совершенно автономно. Такого человека в зависимости от обстоятельств могут привлекать и духовные практики и психотерапия.

В "телесном" человеке телесная сфера велика настолько, что сводит к минимуму душевную и почти вытесняет духовную сферу. В этом случае, например, депрессия ощущается просто как физическая боль, и помощь, в первую очередь, ожидается не от психотерапевта, а мануального терапевта или экстрасенса, работающих с самой биологией и биополями.

Другой тип, выделенный Николаем Николаевичем, - "душевный" человек - погружен, главным образом, в стихию своих чувств, впечатлений, переживаний. Как раз он-то и является чаще всего клиентом психотерапевтической помощи.

Напротив, "духовный" человек, т.е. человек, чья духовная сфера подчиняет себе обе другие, не нуждается в психотерапевтической помощи вообще, решая свои проблемы с духовником.

Это само по себе интересное выступление вызвало горячий протест О.И.Генисаретского. Он категорически отверг тот образ человека, который предложил Н.Н.Петров. Выделив низшую, телесную, затем душевную и, наконец, высшую, духовную сферы, Н.Н.Петров тем самым задал некую вертикаль восхождения к истине. Сославшись на одну из работ о. Павла Флоренского, Олег Игоревич назвал такую духовную направленность языческой. Для христианства же характерна направленность сверху вниз - постепенное овладение духовной реальностью через ум сначала душой, а затем и телом.

И именно поэтому в наше агрессивное время, когда доминируют разрушительные процессы, ломаются традиционные формы организации душевной жизни и происходит ее выхолащивание, было бы нерачительно упускать любые формы психологической практики, нацеливающие людей на самостроительство, самотворчество и потому выполняющие функцию противостояния деанимации, обездушиванию культуры.

Это выступление, признаться, посеяло в моей душе некоторое смущение, ибо очевидно, что многие модные психотерапевтические техники являются неоднозначными или просто небезопасными с духовной точки зрения. Отчасти на свои незадаанные вопросы я нашла ответ в выступлениях о.Бориса (Ничипорова) и о.Иоанна (Вавилова).

Психология, сказал о.Борис, стояла и стоит на позициях вненравственных. Но понятия добра и зла абсолютны и четко определены. Любое событие в жизни человека содержит в себе это духовное измерение и либо приближает его душу к спасению, либо отдаляет ее.

Современная психология не чувствует священного, благоговейного, сакрального страха перед тайной человеческой жизни. Психолог в соответствии с традицией, в которой он работает, и в зависимости от степени своего профессионализма явно или неявно влияет на личность клиента, на те решения, которые тот принимает, а через это и на его дальнейшую судьбу. Так кто же дает это право психологу? Кем благословлен его труд?

В отличие от духовника, который мистически провидит путь данного человека, психолог действует по своей воле. И даже если психолог только

создает условия, как говорила А.С.Спиваковская, для самоактуализации человека, не стоит думать, что это снимает с него ответственность. Самоактуализация разжигает ту невидимую брань между силами добра и зла, которая заложена изначально в двойственной природе человека.

Эту мысль в несколько ином ключе продолжил о.Иоанн, подчеркнув необходимость получения благословения на психотерапевтическую деятельность, поскольку психотерапевт постоянно соприкасается с тайной человеческой жизни. В его словах неявно присутствовала мысль об обязательной причастности психотерапевта Церкви, о том, что деятельность его должна дополнять деятельность священника и помогать человеку найти свой путь к Богу.

Отец Валерий (Ларичев) также считает необходимым для психотерапевта иметь духовного наставника, чтобы не встать самому на стезю соблазна и не повредить своему клиенту. Как мне кажется, конкретное решение этой проблемы соотнесения деятельности психотерапевта и священника о.Валерий продемонстрировал самой своей жизнью - отказом от совмещения работы психотерапевтом и служения в Церкви.

Интересную, хотя и не бесспорную, на мой взгляд, метафору предложил Ф.Е.Василюк для осмысления специфики работы психотерапевта и священника. Если священник является для всех приходящих к нему духовным отцом, батюшкой, то психотерапевт может быть назван братом. В этом смысле позиции священника и психотерапевта взаимосвязаны. Отец наставляет и наказывает, брат же восполняет отцовскую строгость своим состраданием. В сущности же, они решают общую духовную задачу спасения, но каждый доступными ему средствами. Федор Ефимович отметил, что психотерапевту необходимо с благоговением относиться к индивидуальному пути, которым Господь ведет каждого, и не стараться своей волей спрямить этот путь, но иметь готовность быть с человеком на любом изломе его судьбы, как брат с братом.

Об умении видеть духовное измерение в проблемах клиента и выбирать среди всего богатства психотерапевтических техник адекватные каждому случаю говорил А.Ф.Копьев. Но умение это зависит от личного опыта переживания духовных проблем самим психологом. Психологическая деятельность, с его точки зрения, не может быть сама по себе ни духовно полезным, ни духовно вредным делом, это определяется конкретным исполнением.

Необходимость для психотерапевта духовной работы над самим собой подчеркнул Ю.А.Миславский. Его речь, насыщенная различными ассоциациями из области лингвистики, этнографии, психологии, в конечном счете была посвящена постановке задачи синтеза церковного опыта и психотерапевтической работы.

В унисон ей прозвучало выступление Е.В.Орестовой, которая поделилась своим индивидуальным опытом воцерковления и открытием

для себя святоотеческого наследия, помогающего найти ответы на многие стоящие перед психологической наукой вопросы. Помимо этого, Елена Владимировна коснулась своих наблюдений над детьми - учащимися Православной школы. Интересно, например, было узнать, что у детей, воспитанных в христианском духе, практически совершенно отсутствует в профиле ММРІ невротическая триада.

Это частное замечание имело свое развитие в выступлении Т.П.Гавриловой. Работая с детьми, она увидела, что их проблемы прямо связаны с нерешенными экзистенциальными проблемами родителей, которые воспринимают свою жизнь как неодухотворенную, не имеющую глобального смысла. Это обычно люди, хорошо адаптированные социалью, но не видящие высшего, духовного измерения жизни. Многие ценности остаются для них только известными, но лишенными личностного смысла. Именно у таких родителей и возникают наибольшие трудности в передаче этих ценностей ребенку. Татьяна Павловна призналась, что работая вместе со своими клиентами над проблемой поиска глобальных смыслов, она имеет много неразрешенных профессиональных вопросов. Она считает, что советский психотерапевт не должен призывать людей в Церковь, ибо у него своя задача помощи человеку в переживании его страдания и обретении им себя. Однако открытым остается вопрос о языке, на котором можно говорить с человеком о проблеме поиска смыслов.

Вся эта палитра мнений, раздумий, вопросов и ответов, с большей или меньшей степенью подробности представленная здесь, вызывает чувство, которое о.Борис выразил одной фразой: "Люди исстрадались..."

Быть может, причина этих страданий заключена в самой сути профессии психолога-психотерапевта, о которой шла речь в выступлении А.Б.Зубова, как всегда, ярком по форме и глубоком по содержанию.

Он заметил, что в отличие, например, от всякого рода врачевания, психотерапия в историческом аспекте является очень молодой. Как таковая она появилась лишь в XIX веке. Впрочем, до того был еще один период - последние полтысячелетия античности, когда существовала, как бы сейчас сказали, некоторая форма психотерапии. Ею на свой лад занимались философы, помогающие страждущим разрешать вопросы их внутренней жизни.

Эти оба исторических периода были временем угасания хотя и различной по сути, но живой веры. Таким образом, резюмировал Андрей Борисович, когда утрачивается идея бессмертия души и она начинает метаться в этом временном мире, тогда и появляется та или иная форма психотерапии, которая пытается в нем организовать сносное существование для души.

Религия никогда не выполняла эту функцию, она помогала душе выйти из своего земного состояния и войти в состояние небесное, ибо глобальная цель души - спасение. Именно поэтому деятельность психотерапевта и священника совершенно различны изнутри, и вопрос об

их связи или дополнении друг друга не должен бы стоять. Однако реальность такова, что для современной культуры психотерапия стала нормой, и он неизбежно возникает и остается открытым.

Выступление Андрея Борисовича можно понять как приговор психотерапии или, по крайней мере, ее завышенным притязаниям на душеведение и душеводительство. Позиция Андрея Борисовича мне кажется весьма убедительной, и все-таки думается, что профессия психотерапевта является не только плодом общества, утратившего истинную веру. В этом временном мире бессмертная душа вочеловечена и должна совершить свой земной путь ко спасению. И когда человек в молитве взывает к Господу: "...Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей ...научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать", наверное, не всегда можно ожидать, что Господь научит этому прямо и непосредственно. Может быть, овладеть этим умением человеку случится благодаря работе с психологом, который поможет ему постичь необходимые основы психологической грамоты, подобно тому, как ребенку удастся вдруг из отдельных букв сложить целое слово.

Несомненно, что "юноше, обдумывающему житье" и готовящему себя к психотерапевтическому поприщу, особенно важно услышать все позитивные и негативные мнения о будущей профессии. Именно это подчеркнул Б.С.Братусь в своем заключительном слове, обращаясь к присутствующим на встрече студентам. Представляя себе психотерапию как нечто исключительно привлекательное, они увидели теперь ее боль и проблемы, неоднозначность и опасности.

Вероятно, это действительно лучший итог встречи - опытным психотерапевтам и только начинающим еще и еще раз задуматься о самих основаниях своей профессиональной деятельности и о тайне человеческой жизни, всякий раз соприкасаясь с которой, они должны стараться "... пройти, чтоб не оставить следа, пройти, чтоб не оставить тени...", как сказано М.Цветаевой, ибо "тайна сия велика есть".